

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА САЙТЕ
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЗУБКОВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»

(жалобы №№ 29431/05 и 2 другие жалобы, см. список в приложении)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

вынесено: 7 ноября 2017 года
вступило в силу: 5 марта 2018 г.

Настоящее постановление вступит в силу в порядке, установленном пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакторской правке.

По делу «Зубков и другие против России» (*Zubkov and Others v. Russia*)

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Хелена Йедерблом, *Председатель*,

Бранко Лубарда,

Хелен Келлер,

Дмитрий Дедов,

Пере Пастор Виланова,

Алина Полачкова,

Георгиос А. Сергидес, *судьи*,

а также Фатош Араджы, *Заместитель секретаря Секции*,

проведя 10 октября 2017 года заседание за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в указанный день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело инициировано на основании трех жалоб (№№ 29431/05, 7070/06 и 5402/07) против Российской Федерации, поданных в Европейский Суд по правам человека (далее – «Европейский Суд», «Суд») в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») тремя гражданами Российской Федерации. Их имена, даты рождения и даты подачи жалоб указаны в приложении.

2. Интересы властей Российской Федерации (далее – «власти») представлял Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместитель Министра юстиции Российской Федерации Г.О. Матюшкин, а затем его преемник М.Л. Гальперин. Интересы двух заявителей представляли юристы, чьи фамилии указаны в приложении.

3. Заявители, в частности, утверждали, что являлись объектами скрытого наблюдения в нарушение статьи 8 Конвенции. Один из заявителей жаловался среди прочего на чрезмерную длительность производства по уголовному делу. Другой заявитель жаловался на ненадлежащие условия содержания под стражей и транспортировки. Он также жаловался на несоблюдение процессуальных гарантий во время своего содержания под стражей в ходе предварительного следствия.

4. Указанные жалобы были коммуницированы властям в период с 26 августа 2009 года по 21 декабря 2012 года.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА****A. Жалоба № 29431/05 «Зубков против России»**

5. 12 апреля 2002 года местным отделением милиции в управление Следственного комитета были переданы аудиозаписи телефонных разговоров между заявителем и различными лицами, а также

видеозапись их встреч в одной из квартир в городе Новгороде. В сопроводительном письме в адрес Европейского Суда власти указали, что аудио- и видеозаписи были получены в ходе негласных оперативно-розыскных мероприятий, проведенных на основании постановлений председателя Новгородского областного суда от 19 июля 2000 года, 31 августа 2000 года, 17 и 27 февраля 2001 года.

6. 16 апреля 2002 года заявитель был задержан. Ему было предъявлено обвинение по нескольким эпизодам сбыта наркотических средств, совершенных организованной преступной группой. По аналогичному обвинению было задержано еще четыре человека.

7. 18 апреля 2002 года постановлением Прокуратуры Новгородской области в отношении заявителя была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу до суда. Заявитель находился под стражей на протяжении всего срока производства по уголовному делу.

8. О существовании аудио- и видеозаписей заявитель узнал во время ознакомления с материалами уголовного дела в неустановленный день.

9. 26 июня 2002 года расследование было завершено и дело было передано в Новгородский городской суд.

10. 18 июля 2002 года адвокат одного из подсудимых обратился в суд с ходатайством об отложении судебного заседания на сентябрь 2002 года по причине его нахождения в отпуске до 6 сентября.

11. 20 августа 2002 года Новгородский городской суд назначил проведение первого судебного заседания на 16 сентября 2002 года. 16 сентября 2002 года судебное заседание было отложено на 23 сентября 2002 года по причине нахождения адвоката заявителя в больнице и неявки свидетелей стороны обвинения. В конечном итоге судебное разбирательство было начато 20 ноября 2002 года.

12. На судебном заседании заявитель вину не признал. Он, в частности, указывал на недопустимость использования аудио- и видеозаписей в качестве доказательств, так как записи были получены без соответствующего разрешения судьи.

13. Другие подсудимые вину признали. В своих показаниях они утверждали, что заявитель являлся лидером организованной группы, занимающейся торговлей наркотиками. Заявитель и еще один подсудимый, К., сняли квартиру, где участники группы собирались, чтобы получить у заявителя инструкции и поделить прибыль. В этой же квартире они расфасовывали и хранили наркотические вещества. Собственник квартиры в своих показаниях заявил, что сдал квартиру в аренду К. и что несколько раз арендную плату оплачивал заявитель.

14. 24 ноября 2004 года Новгородский городской суд признал заявителя и других подсудимых виновными в сбыте наркотических средств. Суд установил, что лидером организованной группы, занимающейся торговлей наркотиками, был заявитель. В своих выводах суд опирался на показания свидетелей, заключения экспертов, аудиозапись телефонных разговоров между подсудимыми, видеозапись встреч на съемной квартире. Суд признал аудио- и видеозаписи допустимыми доказательствами, поскольку они «были получены в ходе санкционированных негласных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление преступных деяний Зубкова М.С. и организованной им преступной группы».

Заявитель был приговорен к девяти годам и шести месяцам лишения свободы.

15. В своей кассационной жалобе заявитель, в частности, указывал на получение аудио- и видеозаписей без соответствующего разрешения судьи.

16. 8 февраля 2005 года Судебная коллегия по уголовным делам Новгородского областного суда оставила в силе приговор Новгородского городского суда от 24 ноября 2004 г. Суд дословно воспроизвел вывод городского суда о том, что аудио- и видеозаписи являлись допустимыми доказательствами, поскольку «были получены в ходе санкционированных негласных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление преступных деяний Зубкова М.С. и организованной им преступной группы».

Б. Жалоба № 7070/06 «Ипполитов против России»

17. Заявитель являлся следователем прокуратуры Тверской области.

18. 6 апреля 2004 года он был задержан, после чего ему было предъявлено обвинение в пособничестве в даче взятки.

19. 29 октября 2004 года, во время ознакомления с материалами уголовного дела, заявитель обнаружил в них аудиозаписи своих телефонных разговоров за период с ноября 2003 года по март 2004 года.

20. Кроме того, в материалах уголовного дела было адресованное прокуратуре письмо Федеральной службы безопасности от 21 октября 2004 года, в котором говорилось, что аудиозаписи были получены в ходе негласных оперативно-розыскных мероприятий, проведенных на основании постановлений Тверского областного суда №№ 55-21, 55-30, 55-76, 55-93 и 55-103. Данные постановления были засекречены и поэтому не могли быть представлены прокурору, ознакомиться с ними можно было в ходе судебного заседания, направив соответствующее ходатайство.

21. Во время судебного заседания заявитель вину не признал. Он, в частности, утверждал, что аудио- и видеозаписи не могли считаться допустимыми доказательствами, так как в материалах дела отсутствовала копия соответствующего разрешения суда. В ответных заявлениях прокурор утверждал, что прослушивание телефонных разговоров осуществлялось с разрешения Тверского областного суда. В материалах дела не было копии соответствующего постановления, так как оно было засекречено.

22. 14 мая 2005 года Тверской областной суд признал заявителя виновным в пособничестве в даче взятки и приговорил его к трем годам лишения свободы. Суд опирался в том числе на аудиозаписи телефонных разговоров заявителя. Суд отклонил довод заявителя о недопустимости использования аудиозаписей в качестве доказательства и отметил, что «по итогам рассмотрения материалов дела [суд] установил, что доказательства [были] получены в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса и Закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

23. Заявитель обжаловал приговор. Он утверждал, что областной суд не обосновал свои выводы о допустимости использования

аудиозаписей в качестве доказательства. Суд, в частности, не удостоверился в наличии разрешения на прослушивание телефонных разговоров и в осуществлении прослушивания в предусмотренном законом порядке.

24. 7 декабря 2005 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор суда без изменений. Суд отдельно не рассматривал довод заявителя о недопустимости использования аудиозаписей в качестве доказательства. Он отметил, что выводы о виновности заявителя были основаны на должным образом проанализированных и оцененных областным судом доказательствах. Заявитель получил кассационное определение 7 марта 2006 года.

В. Жалоба № 5402/07 «Горбунов против России»

1. Заключение заявителя под стражу

25. 5 июля 2006 года Фрунзенский районный суд города Владимира избрал в отношении заявителя меру пресечения в виде заключения под стражу. Заявитель на судебном заседании отсутствовал, но присутствовал его адвокат. Кассационным определением от 14 июля 2006 года Судебной коллегии по уголовным делам Владимирского областного суда постановление о заключении под стражу оставлено без изменений. На заседании суда кассационной инстанции заявитель отсутствовал, но снова присутствовал его адвокат.

26. 3 ноября 2006 года Фрунзенский районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 5 января 2007 года. 7 ноября 2006 года заявитель обжаловал данное постановление. 5 декабря 2006 года Судебная коллегия по уголовным делам Владимирского областного суда пришла к выводу об отсутствии оснований для изменения меры пресечения и оставила постановление от 3 ноября 2006 года без изменений.

27. Впоследствии срок содержания заявителя под стражей неоднократно продлевался.

2. Условия содержания под стражей в следственных изоляторах

28. В период с 14 сентября 2006 года по 12 января 2007 года заявитель содержался под стражей в четырех разных следственных изоляторах. По словам заявителя, все четыре следственных изолятора были переполнены.

29. В период с 14 по 22 сентября 2006 года заявитель находился под стражей в следственном изоляторе ИЗ-67/1 в городе Смоленске. Камера № 196 площадью 15 кв. м была оборудована восемью спальными местами и вмещала до шестнадцати заключенных.

30. В период с 25 по 28 сентября 2006 года заявитель находился под стражей в следственном изоляторе ИЗ-76/1 в городе Ярославле. Камера № 133 площадью 9 кв. м была оборудована семью спальными местами и вмещала до восьми заключенных.

31. В период с 29 сентября по 1 октября 2006 года заявитель находился под стражей в следственном изоляторе ИЗ-43/1 в городе Кирове. Камера площадью 50 кв. м была оборудована сорока

спальными местами и вмещала до двадцати заключенных. Вместо отдельных кроватей в камере были установлены деревянные настилы.

32. В период со 2 октября 2006 года по 12 января 2007 года заявитель находился под стражей в следственном изоляторе ИЗ-33/1 в городе Владимире. Камера № 63 площадью 14 кв. м была оборудована четырьмя спальными местами и вмещала до пяти заключенных.

3. Условия транспортировки

33. В период с 28 по 29 сентября 2006 года заявителя железнодорожным транспортом доставили из следственного изолятора ИЗ-76/1 в Ярославле в следственный изолятор ИЗ-43/1 в Кирове. Камера в вагоне поезда была оборудована семью спальными местами и вмещала до десяти заключенных.

34. В период с 1 по 2 октября 2006 года заявителя железнодорожным транспортом доставили из следственного изолятора ИЗ-43/1 в Кирове в следственный изолятор ИЗ-33/1 во Владимире. Камера в вагоне поезда была оборудована семью спальными местами и вмещала до двенадцати заключенных.

4. Прослушивание телефонных разговоров заявителя

35. 25 декабря 2006 года, когда заявитель начал знакомиться с материалами уголовного дела, он узнал о существовании аудиозаписей своих телефонных разговоров за период с 22 по 25 июля 2004 года.

36. 2 февраля 2007 года заявитель обратился к следователю с просьбой предоставить ему копию разрешения суда на прослушивание телефонных разговоров. В тот же день следователь отказал в удовлетворении ходатайства. В своем отказе следователь ссылаясь на Приказ Министерства внутренних дел от 13 мая 1998 года № 336 (см. ниже пункт 54) и утверждал, что сотрудники милиции не обязаны направлять следователю разрешение на прослушивание телефонных разговоров; и что соответствующее разрешение должно храниться в материалах оперативно-розыскного дела. Постановления от 28 мая и 2 июня 2004 года, которыми Владимирский областной суд разрешил прослушивание телефонных разговоров заявителя, находятся на хранении в местном отделении милиции. Они были засекречены, поэтому не могли быть предоставлены ни заявителю, ни его адвокату, не имевшим права доступа к секретной информации.

37. 6 февраля 2007 года заявитель обратился во Фрунзенский районный суд города Владимира с жалобой на незаконное прослушивание его телефонных разговоров, в частности, на отсутствие в материалах дела соответствующего разрешения суда. Он утверждал, что отказ предоставить ему копию разрешения на прослушивание телефонных разговоров не позволил ему реализовать свое право на защиту и лишил его эффективного средства правовой защиты в отношении нарушения прав, гарантированных статьями 23 и 24 Конституции и статьи 8 Конвенции. В частности, он был лишен возможности удостовериться, что разрешение на прослушивание телефонных разговоров было выдано компетентным судом в предусмотренном законом порядке, что для выдачи такого разрешения существовали значительные и достаточные основания, или что на этапе реализации прослушивания были соблюдены все требования

судебного разрешения, например указанные в разрешении суда требования к продолжительности прослушивания.

38. 19 февраля 2007 года Фрунзенский районный суд рассмотрел жалобу в порядке, предусмотренном статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (см. ниже пункт 63) и отказал в ее удовлетворении. Суд отметил, что в соответствии со статьей 12 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (см. ниже пункт 49) судебное постановление на право проведения оперативно-розыскного мероприятия и материалы, послужившие основанием для принятия такого решения, должны храниться только в органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В связи с этим разрешение суда не было приобщено к материалам уголовного дела и заявитель не имел права на его получение. Далее суд сослался на определение Конституционного Суда от 14 июля 1998 года, в котором говорится, что лицо, чьи телефонные разговоры должны прослушиваться, не имеет права участвовать в рассмотрении вопросов о даче разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий или получать информацию о вынесении соответствующего постановления (см. ниже пункт 50). Соответственно, отказ в предоставлении заявителю копии разрешения суда на прослушивание телефонных разговоров был законным. Суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя на незаконность прослушивания без указания оснований.

39. Кассационным определением от 3 апреля 2007 года Судебная коллегия по уголовным делам Владимирского областного суда оставила постановление от 19 февраля 2007 года без изменений.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

А. Право на уважение частной жизни, жилища и корреспонденции

40. Конституция гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (пункт 1 статьи 23). Она также гарантирует право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения (пункт 2 статьи 23).

41. Кроме того, Конституция запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его или ее согласия. Органы государственной власти и органы местного самоуправления обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (статья 24).

42. Конституция также гарантирует каждому право на уважение жилища. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения (статья 25).

Б. Положения о контроле сообщений, обследовании жилища, использовании собранных данных в производстве по уголовным делам

1. Разрешение на прослушивание переговоров или обследование жилища

43. Закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — «Закон об ОРД») гласит, что к оперативно-розыскным мероприятиям относятся, в том числе, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных разговоров; снятие информации с технических каналов связи; обследование помещений, зданий, сооружений, транспортных средств и участков местности; оперативный эксперимент. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий используются видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде (статья 6).

44. К задачам оперативно-розыскной деятельности относятся: (1) выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; (2) осуществление розыска лиц, скрывающихся от правосудия, а также розыска без вести пропавших; (3) получение информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации (статья 2 Закона об ОРД в редакции, действующей на момент рассматриваемых событий).

45. Проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права на тайну почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи (далее — «прослушивание переговоров»), а также право на уважение жилища (далее — «обследование жилища»), допускается при наличии информации: (1) о признаках совершенного, совершаемого или подготавливаемого противоправного деяния; (2) о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние; (3) о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации (часть 2 статьи 8 Закона об ОРД).

46. На момент рассматриваемых событий прослушивание переговоров и обследование жилища допускались только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях (часть 4 статьи 8 Закона об ОРД в редакции, действующей до 24 июля 2007 года). С 24 июля 2007 года прослушивание переговоров и обследование жилища допускаются в том числе в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести.

47. Проведение оперативно-розыскных мероприятий в виде прослушивания переговоров или обследования жилища допускается на основании разрешения суда (часть 2 статьи 8 Закона об ОРД). Судья указывает срок действия выданного разрешения, который, как

правило, не может превышать шести месяцев. При необходимости продления срока действия разрешения судья может выдать новое разрешение по итогам рассмотрения всех представленных материалов (части 4 и 5 статьи 9 Закона об ОРД). Основанием для вынесения судьей постановления является мотивированное ходатайство одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. По требованию судьи ему могут представляться также иные подтверждающие материалы за исключением данных о штатных негласных сотрудниках органов, о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, об организации и о тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий (части 2 и 3 статьи 9 Закона об ОРД).

48. В случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности, допускается проведение оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных частью 2 статьи 8 в отсутствие разрешения суда. В подобных случаях судья уведомляется об оперативно-розыскных мероприятиях в течение двадцати четырех часов с момента их начала. Если в течение сорока восьми часов с момента начала оперативно-розыскных мероприятий судебное разрешение не получено, проведение таких мероприятий должно быть немедленно прекращено (часть 3 статьи 8 Закона об ОРД).

49. Судебное постановление на право проведения оперативно-розыскного мероприятия и материалы, послужившие основанием для принятия такого решения, хранятся только в органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (часть 3 статьи 12 Закона об ОРД).

50. Определением от 14 июля 1998 года № 86-О Конституционный Суд признал недопустимым ходатайство о проверке конституционности отдельных положений Закона об ОРД и отказал в его удовлетворении. Руководствуясь необходимостью сохранить негласный характер наблюдения, Конституционный Суд пришел к выводу, что принципы проведения открытого разбирательства и состязательности не применимы к процедуре, в которой испрашивается судебное разрешение. Следовательно, отсутствие у соответствующего лица права участвовать в рассмотрении вопросов о даче разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий, получать информацию о вынесении соответствующего постановления или обжаловать его в суд высшей инстанции не является нарушением его или ее конституционных прав.

51. Определением от 15 июля 2008 года № 460-О-О Конституционный Суд постановил, что лицо, чьи переговоры прослушивались, вправе ходатайствовать о пересмотре разрешения суда на прослушивание в порядке надзора. Отсутствие у такого лица копии судебного разрешения не исключает возможности его обжалования в порядке надзора, так как разрешение может быть истребовано судом у компетентных органов.

2. Использование данных, собранных в ходе оперативно-розыскной деятельности, в производстве по уголовным делам

52. Сведения об используемых при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий средствах и методах, сведения о лицах, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия, а также сведения о собранных в ходе таких мероприятий данных составляют государственную тайну. Такие сведения подлежат рассекречиванию только на основании особого постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (часть 1 статьи 12 Закона об ОРД и часть 4 статьи 5 Закона от 21 июля 1993 года № 5485-1 «О государственной тайне»).

53. Данные, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, а также могут быть использованы в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями, регулирующими сбор, проверку и оценку доказательств. Постановление о предоставлении собранных данных другому правоохранительному органу или в суд выносится руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (статья 11 Закона об ОРД).

54. Согласно приказу Министерства внутренних дел от 13 мая 1998 года № 336, действовавшему до 17 апреля 2007 года, в случае, если собранные в ходе оперативно-розыскной деятельности данные содержат сведения, которые могут быть использованы в качестве основания для возбуждения уголовного дела или в доказывании по уголовному делу, такие сведения должны быть представлены компетентному органу следствия или в суд (часть 2). Представляемые сведения должны отвечать процессуальным требованиям допустимости доказательств. Представляемые сведения должны иметь значение для (а) для установления обстоятельств соответствующего уголовного дела, (б) указания на источник получения представляемых сведений, (в) проверки их допустимости в условиях судопроизводства (статья 7). Сведения представляются в особом порядке работы с секретной информацией за исключением случаев их рассекречивания на основании постановления органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (статья 9).

55. 17 апреля 2007 года вместо приказа № 336 был введен в действие приказ № 9407, который находился в силе до 27 сентября 2013 года и содержал, по сути, аналогичные положения. Однако в отличие от приказа № 336 приказ № 9407 прямо предусматривал, что в случае представления органам следствия или прокуратуре данных, собранных при проведении оперативно-розыскных мероприятий в виде прослушивания переговоров или обследования жилища, к ним должны прилагаться копии судебных постановлений о проведении таких мероприятий (статья 13). 27 сентября 2013 года вместо приказа № 9407 был введен в действие приказ № 30544, который предусматривал те же требования представления сведений, что и приказ № 9407.

56. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — «УПК») запрещает использовать в процессе доказывания сведения, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям допустимости доказательств,

предусмотренным УПК (статья 89 УПК). Доказательства, полученные с нарушением требований УПК, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу. Если суд принял решение об исключении доказательства, то данное доказательство теряет юридическую силу и не может быть положено в основу приговора или иного судебного постановления, а также рассматриваться и использоваться в ходе судебного разбирательства (статьи 75 и 235 УПК).

57. Определением от 15 июля 2008 года (упомянутом выше в пункте 51) Конституционный Суд постановил, что требование части 3 статьи 12 Закона об ОРД, согласно которому судебное постановление на право проведения оперативно-розыскного мероприятия должно храниться только в органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, не означает запрет на приобщение такого постановления к материалам уголовного дела. Использование сведений, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий в виде прослушивания переговоров или обследования жилища, не допускается без наличия копии судебного постановления в материалах уголовного дела.

В. Судебный пересмотр

1. Общие положения о судебном пересмотре прослушивания переговоров в порядке, установленном Законом об ОРД

58. Лицо, полагающее, что действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, привели к нарушению его или ее прав и свобод, вправе обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, прокурору или в суд. При нарушении должностным лицом прав физического лица в ходе оперативно-розыскной деятельности руководитель такого должностного лица, прокурор или судья принимает меры для восстановления этих прав и возмещения причиненного вреда (части 3 и 9 статьи 5 Закона об ОРД).

59. В случае, если физическому лицу отказано в предоставлении сведений о данных, собранных в отношении него или нее в ходе оперативно-розыскной деятельности, такое лицо вправе получить информацию о причинах отказа и обжаловать их в суд. Бремя доказывания обоснованности отказа лежит на правоохранительных органах. В целях обеспечения полноты и всесторонности рассмотрения дела правоохранительный орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, обязан предоставить судье по его требованию оперативно-служебные документы, содержащие информацию о сведениях, в предоставлении которых было отказано, за исключением сведений о штатных негласных сотрудниках и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе. В случае признания необоснованным постановления об отказе в предоставлении необходимых сведений судья может обязать правоохранительный орган предоставить соответствующему лицу запрашиваемые сведения (части 4-6 статьи 5 Закона об ОРД).

60. В определении от 14 июля 1998 года (упомянутом выше в пункте 50) Конституционный Суд отметил, что лицо, которому стало известно о проведении в отношении него или нее оперативно-розыскных мероприятий и которое считает, что действия должностных лиц нарушают его или ее права, в соответствии со статьей 5 Закона об ОРД вправе обжаловать в суд действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и проведение оперативно-розыскных мероприятий, в том числе и тех, которые осуществляются с разрешения суда.

61. Во время рассматриваемых событий лицо, намеревавшееся подать жалобу на прослушивание его или ее переговоров, имело право требовать судебного пересмотра в соответствии со статьей 125 УПК или главой 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — «ГПК») и Законом «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (вместо этого закона 15 сентября 2015 года был введен Кодекс административного судопроизводства).

2. Судебный пересмотр жалобы в соответствии со статьей 125 УПК

62. Постановлением от 10 февраля 2009 года № 1 Пленум Верховного Суда постановил, что по ходатайству следователя постановления, действия или бездействия должностных лиц или органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, могут быть обжалованы в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК (пункт 4 постановления № 1). Поданная в соответствии с указанной статьей жалоба рассматривается только в том случае, если расследование по уголовному делу еще не завершено. В случае, если дело уже передано в суд для рассмотрения, судья признает жалобу неприемлемой и разъясняет заявителю, что соответствующие вопросы он или она вправе поставить перед соответствующим судом в ходе судебного разбирательства (пункт 9 постановления № 1).

63. Статья 125 УПК предусматривает возможность судебного пересмотра постановлений, действий или бездействия следователя или прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства. Подача жалобы не приостанавливает производство обжалуемого действия и исполнение обжалуемого постановления, если это не найдет нужным сделать следователь, прокурор или суд. Суд рассматривает жалобу в течение пяти дней. На судебном заседании имеют право присутствовать заявитель, его защитник, следователь и прокурор. Заявитель должен обосновать свою жалобу (части 1-4 статьи 125 УПК).

64. Лица, участвующие в судебном заседании, вправе знакомиться с представленными суду материалами и представлять в суд дополнительные материалы, имеющие отношение к жалобе. Разглашение данных, содержащихся в материалах уголовного дела, допускается только в том случае, когда это не противоречит интересам расследования и не связано с нарушением прав участников уголовного судопроизводства. Судья вправе истребовать материалы, послужившие основанием для обжалуемого постановления или действия, а также иные необходимые материалы (пункт 12 постановления Пленума

Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 1).

65. По результатам рассмотрения жалобы суд признает обжалуемое постановление, действие или бездействие незаконным и необоснованным и обязывает соответствующее должностное лицо устранить нарушения, либо оставляет жалобу без удовлетворения (часть 5 статьи 125 УПК). При указании должностному лицу на необходимость устранить допущенное нарушение судья не вправе предопределять конкретные действия должностного лица, отменять либо обязывать его отменить постановление, признанное незаконным или необоснованным (пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 1).

3. Судебный пересмотр жалобы в соответствии с главой 25 ГПК и Законом «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»

66. Постановление Пленума Верховного Суда от 10 февраля 2009 года № 2 предусматривало, что жалобы на постановления и действия должностных лиц или органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, которые не подлежат обжалованию в порядке уголовного судопроизводства, а также жалобы на отказы в предоставлении сведений о данных, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, могут быть рассмотрены в порядке, предусмотренном главой 25 ГПК (пункт 7 постановления № 2).

67. Глава 25 ГПК, действующая до 15 сентября 2015 года, предусматривала порядок рассмотрения жалоб на постановления или действия должностных лиц, нарушающие права и свободы граждан. Впоследствии указанный порядок рассмотрения жалоб был подробно изложен в Законе «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (Закон от 27 апреля 1993 года № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», далее — «Закон об обжаловании»).

68. Глава 25 ГПК и Закон об обжаловании предусматривали право гражданина оспорить в суде действие или постановление органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, в случае, если они считают, что их права и свободы были нарушены (статья 254 ГПК и статья 1 Закона об обжаловании). Обжалованию подлежали любые постановления, действия или бездействие, в результате которых были нарушены права и свободы гражданина, созданы препятствия к осуществлению гражданином его прав и свобод или на гражданина незаконно была возложена какая-либо обязанность или он незаконно был привлечен к ответственности (статья 255 ГПК и статья 2 Закона об обжаловании).

69. Жалоба должна была подаваться в суд общей юрисдикции в течение трех месяцев со дня, когда гражданину стало известно о нарушении его прав. Пропущенный по уважительной причине срок мог быть восстановлен (статья 254 ГПК и статьи 4 и 5 Закона об обжаловании). Жалоба должна была быть рассмотрена в течение десяти дней (статья 257 ГПК).

70. При рассмотрении дела суд должен был проверить соблюдение срока обращения с заявлением в суд, а также законность и обоснованность оспариваемого постановления, действия или

бездействия (пункт 22 постановления Верховного Суда № 2). В частности, суд должен был выяснить: (а) Имел ли орган государственной власти, орган местного самоуправления или должностное лицо полномочия на вынесение оспариваемого постановления или совершение оспариваемого действия или бездействия. В случае, когда принятие или непринятие постановления, совершение или несвершение действия в силу закона отнесено к усмотрению данного органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, суд не вправе оценивать целесообразность такого постановления, действия или бездействия; (б) Был ли соблюден предусмотренный законом порядок. При этом следует иметь в виду, что о незаконности оспариваемых постановлений, действий или бездействия могло свидетельствовать лишь существенное несоблюдение установленного порядка; (в) Соответствовало ли содержание оспариваемого постановления, действия или бездействия требованиям закона. Основанием для признания оспариваемого постановления, действия или бездействия незаконным могло служить несоблюдение хотя бы одного из указанных выше условий (пункт 25 постановления № 2).

71. Бремя доказывания законности оспариваемого постановления, действия или бездействия лежало на органе или лице, которые вынесли оспариваемые постановления или совершили оспариваемые действия или бездействие. При этом заявитель должен был доказать факт нарушения своих прав и свобод оспариваемым постановлением, действием или бездействием (статья 6 Закона об обжаловании и пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда № 2).

72. Суд удовлетворял жалобу, если устанавливал, что оспариваемое постановление, действие или бездействие нарушило права и свободы заявителя и было незаконным (пункт 28 постановления Пленума Верховного Суда № 2). В этом случае суд отменял оспариваемое постановление или действие и обязывал орган или должностное лицо устранить в полном объеме допущенное нарушение прав гражданина (часть 1 статьи 258 ГПК и статья 7 Закона об обжаловании). Суд мог установить срок для восстановления нарушенных прав заявителя и/или указать на конкретные меры для восстановления в полном объеме нарушенных прав и свобод (пункт 28 постановления Пленума Верховного Суда № 2). Заявитель мог требовать компенсации материального ущерба и морального вреда в рамках отдельного производства по гражданскому делу (статья 7 Закона об обжаловании).

73. Суд отказывал в удовлетворении жалобы, если устанавливал, что оспариваемое постановление или действие принято либо совершено в пределах полномочий компетентного органа или должностного лица, было законным и не привело к нарушению прав заявителя (часть 4 статьи 258 ГПК).

74. Сторона производства могла обжаловать данное решение в суд более высокой инстанции (статья 336 ГПК в редакции, действовавшей до 1 января 2012 года, или статья 320 ГПК в редакции, действовавшей после 1 января 2012 года). Определение суда второй инстанции вступало в законную силу со дня его принятия (статья 367 ГПК в редакции, действовавшей до 1 января 2012 года, или часть 5 статьи 329 ГПК в редакции, действовавшей после 1 января 2012 года).

75. ГПК предусматривал направление постановления суда об удовлетворении жалобы и обязанности соответствующего органа или должностного лица устранить в полном объеме допущенное нарушение прав гражданина руководителю соответствующего органа, соответствующему должностному лицу или его руководителю в течение трех дней со дня вступления постановления в силу (часть 2 статьи 258 ГПК). Закон об обжаловании предусматривал десятидневный срок для направления постановления суда со дня его вступления в силу (часть 8). В суд и гражданину должно быть сообщено об исполнении решения суда не позднее чем в течение месяца со дня получения решения (часть 3 статьи 258 ГПК РФ, а также статья 8 Закона об обжаловании).

76. 15 сентября 2015 года глава 25 ГПК и Закон об обжаловании были отменены и заменены (Законом от 8 марта 2015 года № 21-ФЗ) на Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее — «КАС»), который в этот же день вступил в силу. КАС, по сути, закрепил и уточнил положения главы 25 ГПК и Закона об обжаловании.

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ

77. В соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Европейского Суда, Европейский Суд принимает решение объединить жалобы, принимая во внимание их фактическое и юридическое сходство..

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

78. Заявители жаловались на нарушение своих прав на уважение частной жизни, корреспонденции и жилища в связи с прослушиванием их телефонных разговоров, а в случае одного заявителя — в связи со скрытой видеосъемкой его встреч с друзьями на съемной квартире. Они ссылались на статью 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. Приемлемость жалобы

1. Замечания сторон

(а) Власти

79. Власти утверждали, что заявители не исчерпали внутригосударственные средства правовой защиты. Они ссылались на определение Конституционного Суда от 14 июля 1998 года (см. выше пункт 60) и утверждали, что лицо, которому стало известно о проведении в отношении него или нее оперативно-розыскных мероприятий и которое считает, что действия должностных лиц, включая отказ предоставить сведения о полученных данных, нарушают его или ее права, вправе обратиться с жалобой в суд в соответствии со статьей 5 Закона об ОРД (см. выше пункты 58 и 59). Из разъяснений Пленума Верховного Суда (см. выше пункт 66) следует, что такие жалобы должны быть рассмотрены в порядке, предусмотренном главой 25 ГПК и Законом об обжаловании.

80. Кроме того, власти утверждали, что отсутствие у такого лица копии судебного разрешения на прослушивание не исключало возможности его обжалования, так как копия разрешения на прослушивание могла быть истребована судом у компетентных органов (власти ссылались на определение Конституционного Суда от 15 июля 2008 года о возможности пересмотра в порядке надзора разрешения суда на прослушивание переговоров, цитата из которого приведена выше в пункте 51). В любом случае, следовало не обжаловать само разрешение на прослушивание, а обжаловать действия должностных лиц, осуществлявших прослушивание, в соответствии со статьей 5 Закона об ОРД.

81. Власти также утверждали, что вместо того, чтобы прибегнуть к указанному эффективному средству правовой защиты Зубков М.С. и Ипполитов А.С. (жалобы №№ 29431/05 и 7070/06) подняли вопрос о негласном наблюдении в рамках производства по уголовным делам в отношении них и стали оспаривать допустимость таких доказательств как аудио- и видеозаписи. По мнению властей, оспаривание допустимости доказательства в рамках производства по уголовному делу не могло считаться эффективным средством правовой защиты в отношении жалобы на нарушение статьи 8. Данное средство правовой защиты предназначено для исключения незаконно полученных доказательств из числа доказательств, рассматриваемых в ходе судебного разбирательства. Поэтому данное средство было эффективным в отношении жалобы на нарушение статьи 6, но не было эффективным в отношении жалобы на нарушение статьи 8. Производство по уголовному делу осуществляется с целью установить вину или невиновность подсудимого в совершении вменяемых ему или ей преступлений, а не в установлении виновных в предполагаемом нарушении его или ее права на уважение частной жизни, жилища и корреспонденции. Неэффективным было и средство правовой защиты, использованное заявителем Горбуновым А.В. (жалоба № 5402/07), который обжаловал отказ предоставить ему копию разрешения суда вместо того, чтобы обжаловать действия должностных лиц, осуществлявших прослушивание его переговоров.

82. Власти далее отмечали, что Горбунов А.В. к тому же нарушил правило шестимесячного срока. Формуляр, в котором он изложил свою жалобу на нарушение статьи 8, изначально был подписан 3 октября 2007 года, то есть в последний день шестимесячного срока. При этом нет никаких доказательств, что формуляр был отправлен в тот же день. Представленная представителем заявителя почтовая квитанция от 3 октября 2007 года не доказывает факт отправления именно формуляра. Квитанция могла относиться к письму, отправленному представителем в Европейский Суд по другому делу. В связи с этим власти полагают, что за дату подачи жалобы следует считать дату получения Европейским судом формуляра. В таком случае шестимесячный срок заявителем соблюден не был.

(б) Заявители

83. Заявители утверждали, что предложенное властями средство правовой защиты не было эффективным. Зубков М.С. и Ипполитов А.С. утверждали, что жалобы на незаконность негласного наблюдения были озвучены ими в ходе производства по уголовному делу как в суде первой инстанции, так и в суде кассационной инстанции. Следовательно, они исчерпали внутригосударственные средства правовой защиты.

84. Горбунов А.В. утверждал, что в суде он жаловался как на отказ предоставить ему копию разрешения суда, так и на незаконность самого прослушивания. Он признал, что его жалоба на незаконность прослушивания была недостаточно обоснована. При этом он не мог представить более подробные доводы, не зная содержания разрешения и не имея возможности удостовериться, что разрешение на прослушивание телефонных разговоров было выдано компетентным судом в предусмотренном законом порядке, что для выдачи такого разрешения существовали значительные и достаточные основания, что на этапе реализации прослушивания были соблюдены все требования судебного разрешения, например указанные в разрешении суда требования к продолжительности прослушивания. Заявитель также утверждал, что вместо процедуры, предусмотренной главой 25 ГПК, предпочел воспользоваться процедурой, предусмотренной статьей 125 УПК, которая, согласно разъяснению Пленума Верховного Суда, подходила для незавершенного производства по уголовному делу (см. выше пункт 62). Ему было отказано в удовлетворении жалобы, поданной в порядке статьи 125 УПК, поэтому шансов добиться удовлетворения жалобы, поданной в порядке главы 25 ГПК, у него не было.

2. Оценка Суда

(а) Исчерпание средств внутригосударственной правовой защиты

85. Правило об исчерпании внутригосударственных средств правовой, о котором идет речь в статье 35 Конвенции, обязывает всех лиц, желающих инициировать дело против государства в международных судебных и арбитражных органах, использовать прежде всего средства правовой защиты, предоставленные национальной правовой системой. Поэтому государства освобождаются от ответственности перед международным органом за

свои действия до тех пор, пока не получают возможности рассмотреть соответствующие дела в рамках собственной правовой системы. Это положение основывается на предположении, изложенном в статье 13 Конвенции (с которой оно тесно связано), что всегда существует эффективное внутригосударственное средство правовой защиты в отношении предполагаемого нарушения независимо от того, являются ли положения Конвенции составной частью национального права или нет. Таким образом, важный аспект этого принципа состоит в том, что система правовой защиты, действующая в рамках Конвенции, является субсидиарной по отношению к национальным системам защиты прав человека (см. постановление Европейского Суда от 16 сентября 1996 года по делу «Акдивар и другие против Турции» (*Akdivar and Others v. Turkey*), § 65, Сборник постановлений и решений 1996–IV).

86. Согласно статье 35 Конвенции, в распоряжении заявителя должны быть средства правовой защиты, достаточные для возмещения ущерба, причиненного предполагаемым нарушением. Заявитель не обязан прибегать к средствам, которые являются неадекватными или неэффективными (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Акдивар и другие против Турции» (*Akdivar and Others v. Turkey*), §§ 66 и 67).

87. Требование исчерпать внутригосударственные средства правовой защиты предусматривает распределение бремени доказывания. Власти государства-ответчика, которые утверждают, что заявителем не были исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты, должны доказать Европейскому Суду, что на момент рассматриваемых событий эти средства были эффективны и доступны как теоретически, так и практически, и что они давали основания рассчитывать на успешное разрешение дела. Однако после этого бремя доказывания переходит на заявителя: он должен доказать, что те средства, о которых говорили власти, были действительно им исчерпаны или в силу определенных обстоятельств конкретного дела были неадекватными и неэффективными, либо существовали особые обстоятельства, которые освобождали его от выполнения данного требования (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Акдивар и другие против Турции» (*Akdivar and Others v. Turkey*), § 68).

88. Применительно к обстоятельствам настоящего дела Европейский Суд отмечает, что двое заявителей (Зубков М.С. и Ипполитов А.С.) поднимали тему негласного наблюдения в ходе производства по уголовным делам в отношении их. В некоторых случаях, когда дело касалось обжалования допустимости доказательств, полученных в результате предположительно незаконного негласного наблюдения в рамках производства по уголовным делам, Европейский Суд соглашался с утверждением, что такое средство правовой защиты было эффективным и достаточным, поэтому использовавшие его заявители выполнили требование об исчерпании средств правовой защиты (см. постановление Европейского Суда от 15 января 2015 года по делу «Драгоевич против Хорватии» (*Dragojević v. Croatia*), жалоба № 68955/11, §§ 35, 42, 47 и 72; постановление Европейского Суда от 31 марта 2016 года по делу «Шантаре и Лабазников против Латвии» (*Šantare and Labazņikovs v. Latvia*), жалоба № 34148/07, §§ 25 и 40-46; постановление Европейского Суда от 20 декабря 2016 года по делу «Раджаб

Магомедов против России» (*Radzhab Magomedov v. Russia*), жалоба № 20933/08, §§ 20 и 77-79). Однако по итогам более внимательного изучения вопроса Европейский Суд приходил к выводу, что при производстве по уголовным делам суды не могли предоставить эффективного средства правовой защиты в следующих случаях: суды могли рассматривать вопрос справедливости судебного разбирательства по уголовным делам в связи с приобщением доказательств, но не могли рассматривать по существу жалобы на нарушение Конвенции в связи с вмешательством в право заявителей на уважение частной жизни и корреспонденции, которое не было осуществлено «в соответствии с законом» и не было «необходимым в демократическом обществе»; не могли они и обеспечить надлежащего средства защиты в связи с такими жалобами (см. постановление Европейского Суда по делу «Хан против Соединенного Королевства» (*Khan v. the United Kingdom*), жалоба № 35394/97, § 44, ECHR 2000-V; постановление Европейского суда по делу «Р. Г. и J. Н. против Соединенного Королевства» (*P.G. and J.H. v. the United Kingdom*); жалоба № 44787/98, § 86, ECHR 2001-IX; постановление Европейского Суда от 8 марта 2011 года по делу «Горанова-Караенева против Болгарии» (*Goranova-Karaeneva v. Bulgaria*), жалоба № 12739/05, § 59; постановление Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Ирфан Гюзел против Турции» (*İrfan Güzel v. Turkey*), жалоба № 35285/08, §§ 106-07). Изложенное выше применимо и к России. Поэтому Европейский Суд соглашается с тем, что предложенное властями оспаривание негласного наблюдения в рамках уголовного судопроизводства не может считаться эффективным средством правовой защиты в отношении жалобы на нарушение статьи 8.

89. Далее Европейский Суд рассмотрит вопрос наличия в распоряжении заявителей эффективного средства правовой защиты, которое должно было быть исчерпано до обращения в Суд. Европейский Суд уже приходил к выводу, что российское законодательство не предусматривает эффективного средства правовой защиты в тех случаях, когда в отношении объекта прослушивания не возбуждено уголовное дело, так как предлагаемые властями средства правовой защиты доступны (а) только тем лицам, которые располагают хотя бы минимальными сведениями о разрешении суда на прослушивание их переговоров, в частности, информацией о дате выдачи разрешения и суде, его выдавшем (в случае подачи ходатайства о судебном пересмотре); (б) только участникам производства по уголовному делу на этапе досудебного расследования (в случае подачи жалобы в порядке статьи 125 УПК); или (в) только тем лицам, которые в силу распределения бремени доказывания знали о прослушивании своих переговоров (в случае подачи ходатайства о судебном пересмотре в соответствии с Законом об обжаловании, главой 25 ГПК и новым КАС). При этом неясно, будут ли указанные средства доступны и эффективны в тех случаях, когда лицо узнает о прослушивании своих переговоров в ходе производства по уголовному делу в отношении него или нее (см. постановление Большой Палаты по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), жалоба № 47143/06, §§ 294-98, ECHR 2015).

90. В отличие от заявителя в деле «Роман Захаров против России» заявители в настоящем деле узнали о прослушивании своих переговоров только в ходе производства по уголовным делам, возбужденным в отношении них. Соответственно, выводы Европейского Суда относительно эффективности средств правовой защиты, изложенные в постановлении по делу Романа Захарова (*Roman Zakharov v. Russia*), неприменимы к настоящему делу. Заявителям действительно была предоставлена информация об осуществлявшемся за ними наблюдением, в частности информация о продолжительности наблюдения, датах и номерах соответствующих судебных разрешений, судах, выдавших эти разрешения, а также были предоставлены копии полученных данных. Можно утверждать, что этой информации достаточно, чтобы снять с них бремя доказывания факта наблюдения и нарушения их прав, и возложить бремя доказывания законности такого наблюдения на власти (см. выше пункт 71).

91. При этом стоит отметить, что несмотря на все ходатайства заявителей, копии соответствующих судебных разрешений на проведение негласного наблюдения заявителям предоставлены не были. Таким образом, заявители не были знакомы с их содержанием. Европейский Суд полагает, что неуведомление о фактических и правовых основаниях для негласного наблюдения негативно отразилось на способности заявителей реализовать свое право на эффективное судопроизводство. Европейский Суд учтет данное обстоятельство при оценке эффективности средств правовой защиты, предоставленных российским законодательством.

92. Власти не утверждали, что заявители должны были обжаловать судебные разрешения на проведение негласного наблюдения в суды вышестоящей инстанции. Закон об ОРД действительно не предусматривает возможности обжаловать такое разрешение даже в том случае, когда лицу, в отношении которого проводилось наблюдение, стало о нем известно (см. постановление Европейского Суда от 18 сентября 2014 года по делу «Аванесян против России» (*Avanesyan v. Russia*), жалоба № 41152/06, § 30). Конституционный Суд прямо указал, что у объекта наблюдения нет права участвовать в рассмотрении вопросов о выдаче разрешения и, соответственно, нет права обжаловать судебное разрешение на прослушивание разговоров (см. выше пункт 50). При этом в 2008 году, то есть после возникновения обстоятельств, рассматриваемых в настоящем деле, Конституционный Суд пояснил, что лицо, в отношении которого проводилось наблюдение, вправе ходатайствовать о пересмотре разрешения суда на прослушивание в порядке надзора (см. выше пункт 51). В связи с этим Европейский Суд поясняет, что в его практике поданное в рамках уголовного дела ходатайство о пересмотре в порядке надзора никогда не считалось средством правовой защиты, которое должно быть исчерпано согласно пункту 1 статьи 35 (см. среди других источников решение Европейского Суда по вопросу приемлемости по делу «Бердзенишвили против России» (*Berdzenishvili v. Russia*), жалоба № 31697/03, ECHR 2004-II (извлечения); постановление Европейского Суда от 24 мая 2011 года по делу «Мааевы против России» (*Maayevy v. Russia*), жалоба № 7964/07, § 81; постановление Европейского Суда от 24 апреля 2012 года по делу

«Чумаков против России» (*Chumakov v. Russia*), жалоба № 41794/04, § 125).

93. Европейский Суд также отмечает, что статья 5 Закона об ОРД предусматривает право объекта наблюдения обжаловать в суд действия должностных лиц, осуществляющих наблюдение (см. выше пункты 58 и 59). При этом в статье не указывается процедура, в соответствии с которой такие жалобы должны рассматриваться. Впоследствии Пленум Верховного Суда пояснил, что такого рода жалобы должны быть рассмотрены в порядке статьи 125 УПК, Закона об обжаловании или главы 25 ГПК. Процедура рассмотрения в порядке статьи 125 УПК применяется только в тех случаях, когда расследование уголовного дела еще не завершено, а соответствующие материалы не переданы в суд первой инстанции на рассмотрение. Процедуры рассмотрения, предусмотренные Законом об обжаловании и главой 25 ГПК применяются во всех остальных случаях, когда статья 125 УПК неприменима (см. выше пункты 62 и 66).

94. Европейский Суд отмечает, что один из заявителей (Горбунов А.В.) воспользовался процедурой судебного пересмотра в порядке статьи 125 УПК. Но власти утверждали, что такая процедура не была эффективной, и что все заявители должны были обращаться к процедуре судебного пересмотра в порядке, предусмотренном Законом об обжаловании и главой 25 ГПК. Принимая во внимание взаимозаменяемость этих двух процедур, на которую указал Пленум Верховного Суда, а также общие их характеристики, Европейский Суд проведет совокупную оценку их эффективности.

95. Европейский Суд отмечает, что действие ходатайства о судебном пересмотре, поданном в порядке статьи 5 Закона об ОРД (как в рамках производства по статье 125 УПК, так и в рамках производства в соответствии с Законом об обжаловании и главой 25 ГПК), ограничивается пересмотром действий должностных лиц, осуществлявших наблюдение, в частности проверкой соблюдения ими всех предусмотренных законом требований и условий судебного разрешения при проведении наблюдения. Пересмотр не затрагивает правовые или фактические основания для дачи соответствующего судебного разрешения, то есть вопрос значительности и достаточности оснований для дачи разрешения на проведение наблюдения не рассматривается (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Аванесян против России» (*Avanesyan v. Russia*), §§ 31-33 в части «обследования» квартиры заявителя в соответствии с положениями Закона об ОРД).

96. В соответствии с главой 25 ГПК и Законом об обжаловании, действующими в период рассматриваемых событий, российские суды рассматривали только вопрос законности действий должностных лиц, осуществлявших наблюдение (см. выше пункты 72 и 73). Согласно толкованию соответствующих положений Верховным Судом под определением «законность» понималось соблюдение подведомственности и установленного порядка, а также соответствие содержания требованиям законодательства (см. выше пункт 70). Из этого следует, что законодательство не обязывало суды оценивать вопросы «необходимости в демократическом обществе», в частности не оценивать, отвечали ли оспариваемые действия насущной социальной потребности, были ли они соразмерны преследуемым

целям, то есть не обязывало их опираться на те принципы, которые составляют основу оценки Европейским Судом жалоб на нарушение статьи 8 Конвенции (см. ниже пункт 124).

97. Что касается процедуры судебного пересмотра в порядке статьи 125 УПК, то в этом случае российские суды должны помимо рассмотрения вопроса законности проводить оценку «обоснованности» действий должностных лиц (см. выше пункт 65). При этом российским законодательством не определены существенные критерии «обоснованности» таких действий. Определение «обоснованность», как правило, означает лишь наличие «уважительных» или «веских» причин (см. постановление Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), жалоба № 57818/09 и 14 других жалоб, § 419). Требование необходимости таких действий «в демократическом обществе» отсутствует, соответственно, отсутствует и требование проводить оценку соразмерности данной меры. В любом случае, Европейский Суд считает, что у судьи не было бы полномочий осуществлять пересмотр «необходимости» действий, предпринятых на основании вступившего в силу судебного разрешения.

98. В ряде случаев, касающихся нарушения статьи 8, Европейский Суд уже приходил к выводу, что судебный пересмотр, который не позволяет оценить оспариваемое вмешательство с точки зрения его соответствия «наущной социальной потребности» и соразмерности преследуемой цели, не может считаться эффективным средством правовой защиты (см. постановление Европейского Суда по делу «Смит и Грейди против Соединенного Королевства» (*Smith and Grady v. the United Kingdom*), жалобы №№ 33985/96 и 33986/96, §§ 135-39, ECHR 1999-VI; постановление Европейского Суда по делу «Пек против Соединенного Королевства» (*Peck v. the United Kingdom*), жалоба № 44647/98, §§ 105-07, ECHR 2003-I; и постановление Европейского Суда по делу «Киган против Соединенного Королевства» (*Keegan v. the United Kingdom*), жалоба № 28867/03, §§ 40-43, ECHR 2006-X).

99. С учетом изложенного выше Европейский Суд приходит к выводу, что ходатайство о судебном пересмотре, поданное в порядке статьи 5 Закона об ОРД (как в рамках производства по статье 125 УПК, так и в рамках производства в соответствии с Законом об обжаловании и главой 25 ГПК) не является эффективным средством правовой защиты, требующим исчерпания. Поэтому Европейский Суд отклоняет возражение властей относительно неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты.

(б) Соблюдение шестимесячного срока

100. Европейский Суд напоминает, что цель правила шестимесячного срока заключается в содействии правовой стабильности и рассмотрении жалоб на нарушения Конвенции в разумный срок. Кроме того, оно призвано защищать власти и других заинтересованных лиц от любой неопределенности в течение длительного времени. Он устанавливает временные рамки надзора, осуществляемого Европейским Судом, и указывает лицам и властям период, за пределами которого такой надзор становится невозможным.

Кроме того, данное правило предоставляет потенциальному заявителю время для рассмотрения вопроса о подаче жалобы, а также о конкретных требованиях и доводах, которые должны быть выдвинуты. Наконец, правило должно обеспечивать возможность установления фактов дела до того, как они могут утратить свою актуальность, и делая справедливое рассмотрение этого вопроса почти невозможным (см. постановление Большой Палаты от 29 июня 2012 года по делу «Сабри Гюнеш против Турции» (*Sabri Güneş v. Turkey*), жалоба № 27396/06, §§ 39-41).

101. Изложенные в пункте 1 статьи 35 требования об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты и соблюдении шестимесячного срока тесно связаны между собой. Как правило, шестимесячный срок исчисляется с момента вынесения окончательного решения в процессе исчерпания внутренних средств правовой защиты. Но если изначально очевидно, что в распоряжении заявителя не было эффективных средств правовой защиты, такой срок исчисляется с даты обжалуемых действий или мер, либо с даты, в которую заявитель узнал о таких действиях, их последствиях или причиненном такими действиями вреде. При этом пункт 1 статьи 35 не должен быть истолкован как обязывающий заявителя подавать жалобу в Европейский Суд до того, как его положение в данном деле будет окончательно определено на национальном уровне. Поэтому в тех случаях, когда заявитель воспользовался имеющимся средством правовой защиты и лишь впоследствии узнал об обстоятельствах, в силу которых данное средство становилось неэффективным, Европейский Суд считает целесообразным в целях пункта 1 статьи 35 начинать исчисление шестимесячного срока с даты, когда заявителю впервые стало известно или должно было стать известно о таких обстоятельствах (см. постановление Большой Палаты по делу «Варнава и другие против Турции» (*Varnava and Others v. Turkey*), жалобы №№ 16064/90 и 8 других жалоб, § 157, ECHR 2009; постановление Большой Палаты по делу «Эль-Масри против бывшей Югославской Республики Македония» (*El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 39630/09, § 136, ECHR 2012; и постановление Большой Палаты по делу «Мокану и другие против Румынии» (*Mocanu and Others v. Romania*), жалоба № 10865/09 и 2 другие жалобы, § 260, ECHR 2014 (извлечения)). В тех случаях, когда исключительным средством правовой защиты, имеющимся в распоряжении заявителя, является обращение в суд, шестимесячный срок может исчисляться с даты вынесения решения о применении данного средства защиты (см. решение Европейского Суда по вопросу приемлемости от 31 мая 2005 года по делу «Ахтинен против Финляндии» (*Ahtinen v. Finland*), жалоба № 48907/99).

102. В ответ на возражения властей относительно Горбунова А.В. Европейский Суд отмечает, что согласно материалам дела жалоба заявителя была отправлена 3 октября 2007 года, то есть в рамках шестимесячного срока с даты вынесения окончательного решения по делу о судебном пересмотре.

103. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что Зубков М.С. и Ипполитов А.С. подали жалобы в течение шести месяцев с даты вынесения окончательных решений по уголовным делам в отношении них, в то время как Горбунов А.В. подал жалобу в течение шести

месяцев с даты вынесения окончательного решения по делу о судебном пересмотре в порядке статьи 5 Закона об ОРД в совокупности со статьей 125 УПК. Принимая во внимание вывод Суда о неэффективности указанных производств как средств правовой защиты в значении пункта 1 статьи 35 Конвенции, такие дела, как правило, не учитываются при исчислении шестимесячного срока.

104. Европейский Суд также отмечает неэффективность и такого упомянутого властями средства правовой защиты как ходатайство о судебном пересмотре в порядке статьи 5 Закона об ОРД в совокупности с главой 25 ГПК. Власти не указывали на наличие в распоряжении заявителей иных средств правовой защиты. Следовательно, в отсутствие эффективного средства правовой защиты шестимесячный срок, как правило, исчисляется с даты, когда заявителю впервые стало известно о негласном наблюдении в отношении себя.

105. Тем не менее, Европейский Суд проверит соблюдение заявителями, которым в данном конкретном деле ничего не было известно об обстоятельствах, лишивших средства правовой защиты эффективности, требования о шестимесячном сроке за счет использования указанных средств правовой защиты (см. постановление Европейского Суда от 22 декабря 2009 года по делу «Скоробогатых против России» (*Skorobogatykh v. Russia*), жалоба № 4871/03, §§ 30-34; постановление Европейского Суда от 27 мая 2010 года по делу «Артемов против России» (*Artyomov v. Russia*), жалоба № 14146/02, §§ 109-18; решение Европейского Суда по вопросу приемлемости от 5 февраля 2013 года по делу «Норкин против России» (*Norkin v. Russia*), жалоба № 21056/11; постановление Европейского Суда от 20 февраля 2014 года по делу «Шишков против России» (*Shishkov v. Russia*), жалоба № 26746/05, §§ 84-86; постановление Европейского Суда от 8 ноября 2016 года по делу «Мяличев против России» (*Myalichev v. Russia*), жалоба № 9237/14, § 13).

106. Европейский Суд отмечает, что он впервые рассматривает средства правовой защиты, существующие в российской правовой системе в отношении жалоб на негласное наблюдение, о котором объекты такого наблюдения узнали лишь в ходе производств по возбужденным в отношении них уголовным делам. Принимая во внимание отсутствие определенности в вопросе эффективности таких средств правовой защиты, в частности тот факт, что во время рассматриваемых событий еще не было известно, что подача жалобы на негласное наблюдение в ходе производства по уголовному делу являлась однозначно неэффективным средством (см. выше пункт 88), становится понятно, почему заявители пытались воспользоваться имеющимся в их распоряжении средством правовой защиты и дать российским судам возможность устранить нарушение в рамках внутригосударственной правовой системы, соблюдая таким образом субсидиарность системы правовой защиты, действующей в рамках Конвенции, по отношению к национальным системам защиты прав человека (аналогичное обоснование см. в упоминавшемся выше постановлении по делу «Эль-Масри против бывшей Югославской Республики Македония» (*El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), § 141).

107. Заявителям действительно стало известно о негласном наблюдении во время производства по уголовным делам. При этом сторона обвинения использовала полученные в результате прослушивания материалы в качестве доказательства по возбужденным в отношении них уголовным делам. Европейский Суд считает логичными в таких обстоятельствах попытки заявителей привлечь внимание российских судов к своим жалобам с помощью тех средств правовой защиты, которые были предусмотрены уголовно-процессуальным правом, в частности с помощью подачи ходатайств о судебном пересмотре в порядке статьи 125 УПК или подачи соответствующих жалоб в суд. В заявлениях сторон Европейский Суд не усматривает каких-либо оснований полагать, что заявителям было известно или должно было быть известно о бесполезности таких ходатайств. Российские суды действительно могли рассмотреть (что они и сделали) вопрос законности наблюдения и, таким образом, рассмотреть, по сути, часть жалобы заявителей на нарушение положений Конвенции. Европейский Суд в обстоятельствах настоящего дела не видит оснований упрекать заявителей в попытке привлечь внимание российских судов к своим жалобам с помощью средств правовой защиты, которые они ошибочно считали эффективными (аналогичное обоснование см. в упоминавшемся выше постановлении по делу «Шантаре и Лабазников против Латвии» (*Šantare and Labazņikovs v. Latvia*), §§ 40-46; и в упоминавшемся выше постановлении по делу «Раджаб Магомедов против России» (*Radzhab Magomedov v. Russia*), §§ 77-79).

108. Более того, учитывая негласный характер наблюдения Европейский Суд отмечает сложности, с которыми заявители столкнулись, пытаясь получить доступ к соответствующим документам. Именно эти сложности могли помешать заявителям узнать подробные обстоятельства проведения наблюдения, в том числе его продолжительность, даты проведения, конкретные действия и, что самое главное, основания для начала наблюдения. Поэтому логично, что заявитель, прежде чем обращаться с жалобой в Европейский Суд, сначала ждет получения документов, в которых изложены важные для жалобы обстоятельства (см. решение Европейского Суда по делу «Янгер против Соединенного Королевства» (*Younger v. the United Kingdom*), жалоба № 57420/00, ECHR 2003-I, с соответствующими изменениями).

109. Заявителям в настоящем деле так и не были предоставлены судебные разрешения на проведение наблюдения за ними. Впервые обстоятельства наблюдения, которые были положены заявителями в основу своих жалоб в Европейский Суд, были установлены во время рассмотрения данного вопроса судами в ходе производства по уголовным делам. Поэтому нельзя утверждать, что заявители безосновательно ждали вынесения приговоров и кассационных определений, прежде чем обратиться с жалобами в Европейский Суд.

110. Соответственно, Европейский Суд приходит к выводу о соблюдении заявителями правила шестимесячного срока.

111. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является

неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Доводы сторон

(а) Власти

112. Власти начали свои замечания с утверждения, что арендованная Зубковым М.С. (жалоба № 29431/05) квартира не могла считаться его «жилищем» в значении, предусмотренном Конституцией России (см. выше пункт 42). Согласно российскому законодательству, под особую защиту подпадают только те жилые помещения, которые являются «жилищем». Остальные помещения, например, офисные, не считаются «жилищем» и, соответственно, не подпадают под особую защиту. Заявитель проживал не в указанной квартире, а по другому адресу. Он арендовал квартиру исключительно для использования ее в своей преступной деятельности, в частности для хранения и упаковки наркотиков, встреч с сообщниками, обсуждения планируемых преступлений, распределения денежных средств, полученных в результате торговли наркотиками. Поэтому статья 8 не может применяться к вопросу видеонаблюдения за указанной квартирой. Следовательно, не было и вмешательства в право заявителя на уважение его жилища.

113. Далее власти утверждали, что прослушивание телефонных разговоров всех трех заявителей, а также видеонаблюдение за арендованной Зубковым М.С. квартирой, осуществлялось на основании судебных разрешений, надлежащим образом полученных в предусмотренном российским законодательстве порядке.

114. Судебные разрешения не были приобщены к материалам уголовного дела, так как согласно Закону об ОРД они являются секретными документами. Власти ссылались на определение Конституционного Суда от 14 июля 1998 года (см. выше пункт 50) и утверждали, что именно в силу необходимости обеспечить секретность наблюдения лица, чьи разговоры прослушивались, не имели права участвовать в рассмотрении вопросов о выдаче разрешения, получать информацию о вынесении соответствующего постановления и получать копию разрешения на прослушивание. Власти также утверждали, что Ипполитовым А.С. копии судебных разрешений никогда не запрашивались, поэтому он не может утверждать, что ему было отказано в их предоставлении.

115. Далее власти утверждали, что российское законодательство соответствует предусмотренным Конвенциями требованиям о «качестве закона». Все положения законов, регулирующих вопросы негласного наблюдения, были официально опубликованы и доступны общественности. Российским законодательством ясно определены виды преступлений, в случае совершения которых может быть вынесено разрешение на наблюдение; категории лиц, чьи телефоны могут прослушиваться; максимальная продолжительность наблюдения; порядок изучения, использования и хранения полученных данных; меры предосторожности при передаче данных другим лицам; обстоятельства возможного уничтожения записей.

116. В заключение власти утверждали, что негласное наблюдение могло осуществляться только в целях, предусмотренных Законом об ОРД (см. выше раздел 44), и только на основании судебного разрешения. Указанные положения законодательства гарантировали проведение негласного наблюдения (в том числе в отношении заявителей) только при наличии соответствующей необходимости в демократическом обществе.

(б) Заявители

117. Зубков М.С. выразил сомнение по поводу существования в его случае разрешения суда, так как ему так и не была предоставлена его копия.

118. Ипполитов А.С. утверждал, что неоднократно заявлял о недопустимости использования аудиозаписей в качестве доказательства из-за отсутствия в материалах уголовного дела копий судебных разрешений. И, несмотря на все его заявления, суд первой инстанции не удостоверился в существовании таких разрешений. Далее он утверждал, что на этапе судебного разбирательства действия по наблюдению уже были завершены, поэтому необходимости обеспечивать конфиденциальность судебных разрешений на тот момент не было. Более того, эти разрешения уже не были секретными, поскольку в ходе судебного разбирательства собранные в результате наблюдения данные уже были разглашены. В подтверждение своей позиции он ссылаясь на приказ № 9407 от 17 апреля 2007 года¹, который прямо предусматривал, что копии судебных разрешений должны были прилагаться к данным, представленным органам следствия или прокуратуре (см. выше пункт 55). Отказ предоставить заявителю или Европейскому Суду копию судебного разрешения на проведение прослушивания лишил их возможности удостовериться, что прослушивание телефонных разговоров заявителя осуществлялось в порядке, предусмотренном российским законодательством.

119. А.В. Горбунов поддержал свои жалобы.

2. Оценка Суда

(а) Имело ли место вмешательство

120. Европейский Суд согласен с неоспоренным сторонами утверждением, что действия по прослушиванию телефонных разговоров заявителей являлись вмешательством в их права, предусмотренные статьей 8 Конвенции. В связи с этим Европейский Суд напоминает, что телефонные разговоры входят в определения «частной жизни» и «корреспонденции» в значении пункта 1 статьи 8 (см. среди прочих источников постановление Европейского Суда от 26 апреля 2007 года по делу «Думитру Попеску против Румынии (№ 2)» (*Dumitru Popescu v. Romania (no. 2)*), жалоба № 71525/01, § 61, с дальнейшими ссылками).

¹ Приказ МВД России № 368, ФСБ России № 185, ФСО России № 164, ФТС России № 481, СВР России № 32, ФСИН России № 184, ФСКН России № 97, Минобороны России № 147 от 17.04.2007 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» (утратил силу в связи с изданием Приказа МВД России от № 775, ФСБ России № 508, ФСО России № 508, ФТС России № 1819, СВР России № 43, ФСИН России № 534, ФСКН России № 388, Министра обороны РФ № 702 от 27.09.2013 (примеч. переводчика)

121. Власти утверждали, что арендованная Зубковым М.С. (жалоба № 29431/05) квартира не могла считаться его «жилищем», поэтому видеонаблюдение за ней не являлось вмешательством в права заявителей, гарантированные пунктом 1 статьи 8. Европейский Суд не видит необходимости устанавливать, являлась рассматриваемая квартира «жилищем» заявителя в значении данной статьи или нет. Он неоднократно приходил к выводу, что частная жизнь лица может быть затронута действиями, предпринятыми за пределами его жилища. Поэтому не обязательно решающим, но тем не менее важным фактором является обоснованная уверенность лица в ее неприкосновенности. Вопросы неприкосновенности частной жизни возникают тогда, когда аудио- или видеозапись действий лица начинает носить систематический или непрерывный характер, даже если это лицо во время записи находится в общественном месте (см. постановление Европейского Суда по делу «Узун против Германии» (*Uzun v. Germany*), жалоба № 35623/05, § 44, ECHR 2010 (извлечения), с дальнейшими ссылками). Европейский Суд приходит к выводу, что наблюдение за заявителем, находящимся в частном помещении, которое он считал неприкосновенным, запись его личных данных, прослушивание записей третьими лицами без соответствующего уведомления или согласия заявителя, а также использование видеозаписи в качестве доказательства в уголовном деле привели к вмешательству в «частную жизнь» заявителя в значении пункта 1 статьи 8 (см. для сравнения упоминавшееся выше постановление по делу «Хан против Соединенного Королевства» (*Khan v. the United Kingdom*), § 25; и постановление Европейского Суда от 31 мая 2005 года по делу «Веттер против Франции» (*Vetter v. France*), жалоба № 59842/00, § 20; каждое из которых касается записи разговоров заявителей с третьими лицами в частном помещении с помощью скрытых подслушивающих устройств).

(б) Было ли вмешательство оправданным?

122. Европейский Суд напоминает, что такое вмешательство является нарушением статьи 8 кроме тех случаев, когда оно осуществляется «в соответствии с законом», преследует одну или несколько законных целей, указанных в пункте 2, и является «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей (см. среди прочих источников упоминавшееся выше постановление по делу «Горанова-Караенева против Болгарии» (*Goranova-Karaeneva v. Bulgaria*), § 45).

123. Формулировка «в соответствии с законом» требует, чтобы оспариваемая по делу мера имела какие-то основания в национальном законодательстве и соответствовала принципу верховенства права, который прямо упоминается в преамбуле Конвенции и неразрывно связан с объектом и целью статьи 8 Конвенции. Таким образом, закон должен отвечать требованиям о качестве закона, то есть он должен быть доступен соответствующему лицу, а последствия его применения — предсказуемыми (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), § 228).

124. Вмешательство считается «необходимым в демократическом обществе» для достижения правомерной цели в том случае, если оно

отвечает «насущной социальной потребности» и, в частности, соразмерно преследуемой правомерной цели и если основания, на которые ссылаются национальные органы власти, являются «соответствующими и достаточными». Хотя первоначальная оценка всех этих вопросов производится национальными властями, окончательное определение необходимости вмешательства подлежит контролю со стороны Европейского Суда на предмет его соответствия требованиям Конвенции (см. постановление Большой Палаты по делу «S. и Марпер против Соединенного Королевства» (*S. and Marper v. the United Kingdom*), жалобы №№ 30562/04 и 30566/04, § 101, ECHR 2008). В контексте негласного наблюдения такая оценка зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер, объем и продолжительность наблюдения, основания для разрешения наблюдения, компетентные органы, уполномоченные разрешать, осуществлять и контролировать наблюдение, а также вид средств правовой защиты, предусмотренных внутригосударственным законодательством. Европейский Суд должен установить, представляют ли собой процедуры по надзору за разрешением и осуществлением ограничительных мер такое «вмешательство», которое «необходимо в демократическом обществе» (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), § 232).

125. Что касается вопроса законности, то сторонами не оспаривался тот факт, что основания для негласного наблюдения за заявителями были предусмотрены внутригосударственным законодательством, в частности соответствующими положениями Закона об ОРД.

126. Заявители не жаловались на несоответствие качества внутригосударственного закона стандартам Конвенции, однако при рассмотрении соответствия оспариваемого вмешательства закону Европейский Суд в любом случае должен провести оценку соответствующего внутригосударственного закона с точки зрения основополагающих принципов верховенства права (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Драгоевич против Хорватии» (*Dragojević v. Croatia*), § 86). В связи с этим Европейский Суд отмечает, что в деле «Роман Захаров против России» он уже признавал несоответствии закона требованиям о «качестве закона» в связи с тем, что его положения, регулирующие вопросы прослушивания переговоров, не предусматривали надлежащих и эффективных гарантий от произвольного его применения и вероятных злоупотреблений. Соответственно, данный закон не способен ограничить «вмешательство» только теми случаями, когда оно необходимо «в демократическом обществе» (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), §§ 302-04). Однако в настоящем деле жалобы заявителей касаются конкретных и неоспариваемых примеров негласного наблюдения, поэтому оценка Европейским Судом «качества закона», пусть даже отчасти неизбежно отвлеченная, не может носить столь же общий характер, как в делах, подобных делу Романа Захарова (такие дела касаются жалоб общего характера на закон, допускающий негласное наблюдение, и требуют от Суда полностью отвлеченной оценки вопреки обычной практике). Как правило, в случае индивидуальных жалоб Европейский Суд должен обращать внимание не столько на закон, сколько на способ его

применения к заявителю в конкретных обстоятельствах дела (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Горанова-Караенева против Болгарии» (*Goranova-Karaeneva v. Bulgaria*), § 48).

127. В частности, в деле Романа Захарова Европейский Суд пришел к выводу, что предусмотренные российским законом процедуры получения судебных разрешений не в состоянии гарантировать защиту от бессистемного, неправомерного или надлежащим образом не обоснованного проведения негласного наблюдения. В частности, Закон об ОРД не обязывал судей при выдаче разрешения на проведение негласного наблюдения проверять наличие «обоснованных подозрений» в отношении соответствующего лица или оценивать «необходимость» и «соразмерность» такого наблюдения. Более того, на основании представленных сторонами материалов Европейский Суд счел доказанным, что российские суды в своей повседневной работе не проверяют наличие «обоснованных подозрений» в отношении соответствующих лиц и не оценивают «необходимость» и «соразмерность» наблюдения (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), §§ 260-67).

128. Власти не представили никаких доказательств, свидетельствующих об ином подходе российских судов в настоящем деле. В частности, они не представили копии судебных разрешений на проведение наблюдения за заявителями и тем самым лишили Европейский Суд возможности удостовериться, что они были выданы на основании обоснованных подозрений в совершении заявителями преступлений. Кроме того, они лишили Суд возможности удостовериться в «значительности» и «достаточности» оснований для проведения наблюдения, то есть, лишили его возможности убедиться в том, что прослушивание переговоров заявителей было необходимым в демократическом обществе и было соразмерно преследуемой законной цели.

129. Важно отметить, что отказы предоставить заявителям судебные разрешения на наблюдение негативно отразились на их способности оспаривать фактические или правовые основания для проведения наблюдения. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что отказ разглашать объекту наблюдения содержание или определенную часть содержания разрешения на негласное наблюдение даже после того, как это лицо узнало о наблюдении, может быть обусловлен вескими причинами. В некоторых случаях рассекречивание всего содержания такого разрешения действительно может привести к нежелательному разглашению информации о методах и направлениях работы полиции или органа безопасности или даже установлению личности агентов (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), § 287). Однако сведения, изложенные в разрешениях о проведении негласного наблюдения, могут иметь важное значение для лица, намеревающегося оспаривать в судебном порядке правовые и фактические основания для выдачи такого разрешения (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Аванесян против России» (*Avanesyan v. Russia*), § 29). Соответственно, Европейский Суд считает, что при рассмотрении ходатайств о рассекречивании разрешения на негласное наблюдение

национальные суды должны соблюдать баланс интересов объекта наблюдения и общественных интересов. Объект наблюдения должен иметь доступ к таким документам за исключением тех случаев, когда имеются серьезные опасения, исключающие предоставление доступа (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Раджаб Магомедов против России» (*Radzhab Magomedov v. Russia*), § 82).

130. В настоящем деле внутригосударственные органы власти в качестве единственной причины отказа в предоставлении заявителям по их ходатайствам судебных разрешений на проведение негласного наблюдения указывали конфиденциальный характер таких документов. Они не сопоставили интересы заявителей с общественными интересами, не пояснили, каким образом рассекречивание судебных разрешений на проведение наблюдения, которое уже было завершено, а также рассекречивание аудио- и видеозаписей, содержание которых уже было известно заявителям, могло поставить под угрозу эффективное отправление правосудия или защиты иных законных общественных интересов.

131. Европейский Суд отмечает, что исключительным правом на хранение судебных разрешений обладал осуществлявший наблюдение государственный орган, который должен был приобщить их к материалам оперативно-розыскного дела (см. выше пункт 49). При этом нет никаких доказательств, что у российских судов, рассматривавших жалобы заявителей на негласное наблюдение, был доступ к секретным материалам уголовно-розыскных дел заявителей; что они удостоверились в существовании и приобщении к материалам дел судебных разрешений, на которые ссылались власти, в существовании значительных и достаточных оснований для выдачи разрешений на негласное наблюдение или в соблюдении органами следствия условий таких разрешений в ходе проведения наблюдения. Следовательно, российские суды не осуществили эффективного судебного пересмотра законности и «необходимости в демократическом обществе» наблюдения и не предоставили достаточных гарантий от произвольного его проведения в значении пункта 2 статьи 8 Конвенции (аналогичное обоснование см. в постановлении Европейского Суда от 31 марта 2016 года по делу «Шантаре и Лабазников против Латвии» (*Šantare and Labazņikovs v. Latvia*), жалоба № 34148/07, §§ 60-62).

132. В итоге власти не смогли доказать Европейскому Суду, что российские суды, санкционировавшие негласное наблюдение за заявителями, удостоверились в наличии «обоснованных подозрений», оценили проведение наблюдения с точки зрения его «необходимости в демократическом обществе» и «соразмерности». Более того, безосновательный отказ раскрыть заявителям содержание разрешений на проведение наблюдения лишил их возможности добиться пересмотра законности и «необходимости в демократическом обществе» такой меры независимым судом в соответствии с принципами, предусмотренными статьей 8 Конвенции.

133. Следовательно, было допущено нарушение статьи 8 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С УСЛОВИЯМИ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ И ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С НЕУЧАСТИЕМ В СЛУШАНИИ ПО ВОПРОСУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ (ЖАЛОБА № 5402/07)

134. Заявитель Горбунов А.В. (жалоба № 5402/07) жаловался на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с ненадлежащими и унижающими достоинство условиями его содержания под стражей и перевозки в период с 14 сентября 2006 года по 12 января 2007 года, а также на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с неучастием в слушании по вопросу его заключения под стражу от 5 июля 2006 года.

135. 23 мая 2013 года власти представили одностороннюю декларацию и предложили Европейскому Суду прекратить производство по данному делу. Они признали, что в период с 14 сентября 2006 года по 12 января 2007 года заявитель находился под стражей и перевозился в условиях, которые не отвечали требованиям статьи 3 Конвенции, и что неучастие заявителя в слушании 5 июля 2006 года привело к нарушению его прав, гарантированных пунктом 4 статьи 5. Власти предложили выплатить заявителю 5 460 евро. Остальная часть декларации гласила следующее:

«Вышеупомянутая сумма, которая должна покрыть любой материальный ущерб и моральный вред, равно как все расходы и издержки, не будет облагаться какими-либо применимыми налогами. Данная сумма будет выплачена в течении трех месяцев с даты уведомления о решении Суда в соответствии с пунктом 1 статьи 37 Европейской Конвенции по правам человека. В случае невыплаты данной суммы в течение вышеуказанного трехмесячного срока власти обязуются уплатить по ней простые проценты, начисляемые со дня истечения срока уплаты до момента фактической выплаты, по ставке, равной предельной процентной ставке Европейского центрального банка за период просрочки, плюс три процентных пункта.

136. Заявитель не согласился с предложением властей.

137. Европейский Суд напоминает, что согласно статье 37 Конвенции он может на любой стадии разбирательства принять решение о прекращении производства по делу, если обстоятельства позволяют сделать выводы, указанные в подпунктах «а», «b» или «с» пункта 1 данной статьи. В частности, подпункт «с» пункта 1 статьи 37 позволяет Суду прекратить производство по делу «по любой другой причине, установленной Судом, если дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным».

138. Европейский Суд также напоминает, что в определенных обстоятельствах он может прекратить производство по делу в порядке подпункта «с» пункта 1 статьи 37 на основании поданной властями государства-ответчика односторонней декларации даже при наличии намерения заявителя добиваться рассмотрения своей жалобы. Для этого Европейский Суд внимательно изучит декларацию с учетом принципов, установленных прецедентной практикой, в частности, постановлением по делу «Тахсин Аджар против Турции» (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тахсин Аджар против Турции» (*Tahsin Acar v. Turkey*), жалоба № 26307/95, §§ 75-77, ECHR 2003-VI).

139. С момента вынесения своего первого постановления по делу о ненадлежащих и унижающих достоинство условиях содержания в российских местах лишения свободы (см. постановление Европейского Суда по делу «Калашников против России» (*Kalashnikov v. Russia*), жалоба № 47095/99, ECHR 2002-VI) Европейский Суд неоднократно устанавливал аналогичные нарушения во многих делах по жалобам против России в связи с условиями содержания в следственных изоляторах (см. постановление Европейского Суда от 10 января 2012 года по делу «Ананьев и другие против России» (*Ananyev and Others v. Russia*), жалобы №№ 42525/07 и 60800/08). Обширная прецедентная практика сложилась у Европейского Суда и по жалобам на неучастие в слушаниях по вопросу заключения под стражу (см. постановление Европейского Суда от 18 октября 2011 года по делу «Г.О. против России» (*G.O. v. Russia*), жалоба № 39249/03, §§ 93-97).

140. Что касается характера признания, изложенного в декларациях властей, то Европейский Суд с удовлетворением отмечает отсутствие со стороны властей возражений на утверждения заявителя и признание ими нарушений статьи 3 и пункта 4 статьи 5 Конвенции.

141. В части предложенной заявителю компенсации Европейский Суд отмечает, что данная сумма не является необоснованной ни в абсолютном выражении, ни по сравнению с компенсациями, присужденными в аналогичных делах. Власти обязались выплатить указанную сумму в течение трех месяцев с даты вынесения решения Суда с учетом процентов за просрочку платежа в случае несвоевременной выплаты.

142. Таким образом, Европейский Суд не считает оправданным дальнейшее рассмотрение дела в части указанных выше жалоб. Осуществление надзора за исполнением постановлений по аналогичным жалобам согласно пункту 2 статьи 46 Конвенции по-прежнему находится в компетенции Комитета Министров, поэтому Европейский Суд с удовлетворением отмечает отсутствие необходимости продолжать рассмотрение данной части жалобы в целях соблюдения прав человека, изложенных в Конвенции (последнее предложение пункта 1 статьи 37). В любом случае, настоящее решение Европейского Суда не мешает ему возобновить производство по делу в случае несоблюдения властями условий односторонней декларации в соответствии с пунктом 2 статьи 37 Конвенции (см. решение Европейского Суда по вопросу приемлемости от 4 марта 2008 года по делу «Йосипович против Сербии» (*Josipović v. Serbia*), жалоба № 18369/07; решение Европейского Суда по вопросу приемлемости от 23 марта 2006 года по делу «Алексенцева и 28 других заявителей против России» (*Aleksentseva and 28 Others v. Russia*), жалобы №№ 75025/01 и 28 других жалоб).

143. С учетом изложенного Европейский Суд считает целесообразным исключить жалобу из списка подлежащих рассмотрению дел в данной части.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ЧРЕЗМЕРНОЙ ДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ ПРОЦЕДУРЫ ПЕРЕСМОТРА (ЖАЛОБА № 5402/07)

144. Заявитель Горбунов А.В. (жалоба № 5402/07) также жаловался на недостаточно оперативное рассмотрение своей жалобы на постановление о его заключении под стражу от 3 ноября 2006 года. Он ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции, который гласит:

«4. «Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Приемлемость жалобы

145. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

146. Власти не представили каких-либо замечаний по данной части жалобы.

147. Европейский Суд напоминает, что в тех случаях, когда речь идет о свободе человека, к соблюдению государством требований требования о безотлагательном рассмотрении вопроса законности содержания лица под стражей применяются особенно строгие стандарты (см., например, постановление Европейского Суда от 9 января 2003 года по делу «Кадем против Мальты» (*Kadem v. Malta*), жалоба № 55263/00, §§ 44-45, в котором Европейский Суд счел чрезмерным срок в семнадцать дней для принятия решения о законности содержания заявителя под стражей). В ряде дел, возбужденным по жалобам против России, Европейский Суд уже устанавливал нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции с связи с тем, что производство по вопросу законности содержания заявителей под стражей длилось двадцать шесть (см. постановление Европейского Суда от 1 июня 2006 года по делу «Мамедова против России» (*Mamedova v. Russia*), жалоба № 7064/05, § 96), двадцать (см. постановление Европейского Суда от 22 декабря 2009 года по делу «Бутусов против России» (*Butusov v. Russia*), жалоба № 7923/04, §§ 32-35) или двадцать семь дней (см. постановление Европейского Суда от 23 октября 2012 года по делу «Пичугин против России» (*Pichugin v. Russia*), жалоба № 38623/03, §§ 154-56). При этом Суд подчеркивал, что ответственность за длительность производств в таких случаях целиком лежит на властях.

148. В настоящем деле российские суды рассматривали жалобу заявителя на постановление о его заключении под стражу от 3 ноября 2006 года на протяжении двадцати восьми дней (см. выше пункт 26). При этом власти не пояснили, чем был обусловлен такой срок рассмотрения жалобы российскими судами. Представленные

Европейскому Суду материалы не содержат никаких свидетельств, позволяющих предположить, что столь длительное рассмотрение жалобы было обусловлено действиями заявителя или его адвоката. Соответственно, ответственность за длительность рассмотрения жалобы в настоящем деле целиком лежит на властях.

149. С учетом изложенного выше Европейский Суд считает, что производство по пересмотру законности содержания заявителя под стражей до суда не может рассматриваться как отвечающее требованию «безотлагательности», предусмотренному пунктом 4 статьи 5 Конвенции. Следовательно, было допущено нарушение данной статьи.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ЧРЕЗМЕРНОЙ ДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ (ЖАЛОБА № 29431/05)

150. Заявитель Зубков М.С. (жалоба № 29431/05) также жаловался на чрезмерную длительность производства по возбужденному в отношении него уголовному делу. Он ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, которая соответствующей части гласит:

«Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на... разбирательство дела в разумный срок... судом».

151. В своей жалобе заявитель, в частности, указывал на проволочку с момента получения судом первой инстанции материалов дела 18 июля 2002 года до начала судебного разбирательства 20 ноября 2002 года.

152. Власти утверждали, что начало судебного разбирательства в суде первой инстанции сначала было отложено по ходатайству адвоката одного из других подсудимых по делу, а потом — из-за болезни адвоката заявителя. Далее власти утверждали, что назначенные на сентябрь, октябрь и ноябрь 2002 года слушания несколько раз откладывались в связи с неявкой адвоката подсудимых по разным причинам. При этом никаких подтверждающих документов власти не представили. Таким образом, ответственность за несвоевременное начало судебного разбирательства не может быть целиком возложена на власти. С начала судебного разбирательства слушания еще несколько раз откладывались в связи с болезнью адвоката или его неявкой в суд по разным причинам, в связи с ходатайством подсудимых о предоставлении им времени для ознакомления с материалами дела и подготовки защиты, и только один раз слушание было отложено в связи с неявкой свидетеля стороны обвинения. Кроме того, судебное разбирательство было отложено на один год и три месяца в связи с необходимостью проведения экспертиз. Следовательно, производство по делу не было чрезмерно длительным.

153. По итогам рассмотрения всех представленных материалов Европейский Суд приходит к выводу, что по указанным ниже причинам власти государства-ответчика не могут считаться ответственными за предположительно чрезмерную длительность производства по уголовному делу в отношении заявителя.

154. Европейский Суд, в частности, отмечает, что длительность производства не была чрезмерной и отвечала требованиям «разумного срока» с учетом общего срока производства по делу (менее трех лет), относительной сложности дела, поведения заявителя и других подсудимых, а также добросовестного поведения властей при рассмотрении дела, количества уровней юрисдикции (см. среди прочих источников решение Европейского Суда по вопросу приемлемости от 30 июня 2016 года по делу «Ханов и другие против России» (*Khanov and Others v. Russia*), жалоба № 15327/05 и 15 других жалоб, с дальнейшими ссылками).

155. С учетом изложенного выше Европейский Суд приходит к выводу, что данная часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена на основании пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

VI. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

156. В заключение Европейский Суд рассмотрел остальные жалобы заявителей и, принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы и в той степени, в которой данные жалобы относятся к его компетенции, пришел к выводу об отсутствии признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции и Протоколах к ней. Следовательно, данная часть жалоб должна быть отклонена как явно необоснованная на основании подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

157. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что было допущено нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

158. Заявители требовали выплаты следующих сумм в качестве компенсации морального вреда: Зубков М.С. требовал выплаты 72 450 евро, Ипполитов А.С. требовал выплаты 105 000 евро, Горбунов А.В. требовал выплаты 20 000 евро. Ипполитов А.С. также требовал выплаты 6 000 евро в качестве компенсации материального ущерба в связи с неполучением жалования. По его словам, в результате незаконного уголовного преследования он был уволен с работы в прокуратуре.

159. Власти сочли требования о компенсации морального вреда чрезмерными. В отношении требования о компенсации материального ущерба они заявили, что между жалобами заявителя и заявленным ущербом отсутствует причинно-следственная связь.

160. Европейский Суд не усматривает никакой причинно-следственной связи между установленным нарушением и заявленным

Ипполитовым А.С. материальным ущербом и поэтому отклоняет данное требование.

161. Что касается морального вреда, то учитывая характер допущенных в отношении каждого заявителя нарушений и предложенной Горбунову А.В. в односторонней декларации суммы компенсации (см. выше пункт 135 и постановление Европейского Суда от 14 июня 2016 года по делу «Уразов против России» (*Urazov v. Russia*), жалоба № 42147/05, § 106) Европейский Суд присуждает заявителям следующие суммы, включая любые налоги, которыми они могут облагаться: по 7 500 евро Зубкову М.С. и Ипполитову А.С., а также 4 300 евро Горбунову А.В.

Б. Судебные расходы и издержки

162. Горбунов А.В. также требовал выплаты 7 000 евро в качестве возмещения расходов на представительство адвокатом в Европейском Суде. Он представил соответствующее соглашение о выплате адвокату вознаграждения.

163. Власти сочли требуемую сумму чрезмерной. Более того, заявитель не представил доказательств уплаты адвокату вознаграждения.

164. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно были понесены, являлись необходимыми и разумными. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и указанные выше критерии Европейский Суд считает целесообразным присудить в настоящем деле сумму в размере 2 000 евро в качестве возмещения всех судебных расходов и издержек плюс любые налоги, которыми эта сумма может облагаться.

В. Проценты за просрочку платежа

165. Европейский Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *решил* объединить жалобы в одно производство;
2. *решил* с учетом условий декларации властей, а также мер по обеспечению соблюдения указанных в ней обязательств, прекратить на основании подпункта «а» пункта 1 статьи 37 Конвенции производство по жалобе Горбунова А.В. на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с предположительно ненадлежащими условиями его содержания под стражей и перевозки, а также по его жалобе на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с неучастием в слушании по вопросу его заключения под стражу;

3. *признал* жалобы на нарушение статьи 8 Конвенции в связи с нарушением права каждого заявителя на уважение частной жизни и корреспонденции, а также на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с недостаточно безотлагательным пересмотром вопроса о заключении Горбунова А.В. под стражу приемлемыми, а остальные части жалоб — неприемлемыми;
4. *постановил*, что в настоящем деле в отношении каждого заявителя было допущено нарушение статьи 8 Конвенции;
5. *постановил*, что в отношении Горбунова А.В. было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;
6. *постановил*,
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителям следующие суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты, плюс любые налоги, которыми эти суммы могут облагаться:
 - Зубкову М.С. 7 500 (семь тысяч пятьсот) евро,
 - Ипполитову А.С. 7 500 (семь тысяч пятьсот) евро,
 - Горбунову А.В. 4 300 (четыре тысячи триста) евро в качестве компенсации морального вреда;
 - 2 000 (две тысячи) Горбунову А.В. в качестве возмещения судебных расходов и издержек;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;
7. *отклонил* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 7 ноября 2017 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араджы
Заместитель Секретаря

Хелена Йедерблом
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагается особое мнение судьи Дедова.

Х. Й. Ф. А.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕДОВА

Считаю нужным отметить, что в постановлении по делу Быкова (см. постановление Большой Палаты от 10 марта 2009 года по делу «Быков против России» (*Bykov v. Russia*), жалоба № 4378/02, § 111) Большая Палата пришла к выводу, что установления нарушения Конвенции было не достаточно, чтобы компенсировать причиненный заявителю моральный вред. Учитывая все обстоятельства дела и приняв решение на справедливой основе, Европейский Суд присудил заявителю 1 000 евро.

Я полагаю, что такой подход (предусматривающий выплату символической компенсации) применим ко всем делам, касающимся «наблюдения» в аналогичных обстоятельствах, например к тем делам, в которых Европейский Суд установил нарушение статьи 8, но при этом наблюдение было действительно необходимым, а производство по делу заявителя на национальном уровне отвечало требованиям о справедливом судебном разбирательстве (см. постановление по делу Быкова, § 104).